

Э. В. БАРКОВА¹

ДАНТЕ И ВОЗРОЖДЕНИЕ-XXI: К РЕКОНСТРУКЦИИ ОСНОВАНИЙ СИНТЕЗА И СВЯЗИ ЭПОХ

В контексте логики циклизма в истории культуры показан смысл творчества Данте как универсалии философии культуры и феномена современности и будущего Возрождения мировой культуры. Встреча культур обоснована в контексте методологически обновлённого исследования синтеза эпох и способов сохранения и возвышения субъективности над эмпирическим миром.

Ключевые слова: Данте, Возрождение, универсалии культуры, хранитель истины мира, современная картина мира, эстетическое измерение Вселенной, пространственно-временной континуум культуры, субъективность, высокая цель, встреча культур.

«Divina Commedia» не столько отнимает у читателя время, сколько наращивает его...

О.Э. Мандельштам

В циклах истории мировой культуры, начиная, по-видимому, с самых реликтовых её пластов, периодически возникали внутренние разломы, когда распадались связи времён, пространств, людей и традиций. В такие кризисные моменты социальные структуры и институты оказывались особенно тесными для пространства бытия человека, для нового масштаба рождающегося субъективного мира, для человеческого начала в самом человеке. Именно в периоды таких разломов оказывалось востребованным творчество великой личности — гения, направленность деятельности и масштаб которого оказываются достаточными не только для защиты самих оснований бытия, кажущихся в такие моменты особенно хрупкими и ненадёжными, но и для самоопределения культуры в обновлённом пространственно-временном континууме культуры и её Возрождения — встречи со своим прошлым, увиденным в свете рождающегося будущего, синтеза в нём локально-конечных и вселенски-бесконечных перспектив человека. В такие эпохи культурно-ци-

¹ Элеонора Владиленовна Баркова — доктор философских наук, профессор кафедры философии, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова (Москва, Российская Федерация); Barkova.EV@rea.ru

визационных разломов, кроме того, особенно важен голос Целостности мира — его Духа-Материи, утверждающий устами гения, пророка, мудреца возможность счастья как смысл бытия человека и человечества. Переходный характер и нашей эпохи с её разломами и распадающимися связями побуждает, в силу этого, к исследованию не только рисков антропологической революции, анализу её проблем и противоречий, но к поиску оснований счастья и надежды на новое Возрождение, восстанавливающее честь человека и достоинство человечества как субъекта Культуры.

Сегодня, когда плотное коммуникативно-информационное пространство центрирует континуум современного мира, как никогда прежде своим жёстким и глобальным давлением закрывая от человека его мир — мир тонких вибраций переживаний, интуиции, самосознания, способности мечтать и мыслить, дистанцируясь от настоящего — неизмеримо большую, чем в прошлые десятилетия ценность приобретает обращение к личности и творчеству Данте — поэта-философа, одним из первых уловившего лучи Ренессанса и сделавшего невозможное.

Рефлексия *Данте как феномена современной культуры* сегодня, думается, не только возвращает нас к упускаемым юным — и не только юным — поколением страницам литературы прошлого, позволяя увидеть в них не замеченное и потому не исследованное предшественниками, но соотносит нас, современное культурное пространство-время с *Данте как универсалией культуры*. А это — направление к открытию рефлексии и освоения путей развития нашего века, и, вследствие этого, условие самоопределения в контексте опыта такого прошлого, великие достижения, ценности, творческая воля и ориентиры которого могут быть осмыслены как условие и перспектива культуры будущего.

Вспомним, что идеалы новой жизни, по мысли Данте, были неотделимы от проектов новой культуры и нового мышления. «Основоположники классического европейского гуманизма ясно сознавали, что они делают, и хорошо знали дорогу, по которой им надо идти» — это исключительно важная мысль, убедительно на материале творчества Данте раскрытая Р. И. Хлодовским и не раз воспроизведённая позже многими исследователями [16, 154]. Скажем ли это о современной интеллигенции, пространстве современного гуманитарного знания и культуре?

Обращение к Данте — исключительно важный поворот и жест современной культуры, свидетельствующий, что бытие личности и творчество на основе *великих* традиций сохраняются как самоценность и обнаруживают неснимаемость потребности в расширении границ не просто субъективного мира человека, его творчества и воли, *но мира, в котором жива высокая цель*. Напомним: Данте всегда был убеждён — «назначение человека, тем более дело народа, переплетено с целью человечества» [3, 156]. Внутренне чувство гения и заветы древних философов — «всё говорит ему о достижимости для человека счастливой полноты бытия. Церковь права в том, что небесное счастье даётся или не даётся человеку свыше... Но и философия не ошибается в том, что земное счастье зависит от доблести человека и не может не прийти к тем, кто утверждает в добродетелях мужества, разумности, справедливости, несправедности» [3, 221].

Сегодня эта мысль важна как проявление защитного слоя, который сохраняется как внутреннее пространство субъектов, несмотря на давление внешней социальной и информационной среды. Возрождение места Данте в самосознании культуры и новой — в свете ряда научных открытий последних лет — встречи с ним сегодня оказывается восхождением к целостности бытия, укоренённости человека в его глубинных пластах и антиэнтропийно-защитной роли его культуры. В. А. Петрицкий прав, подчеркнув: «поскольку между ноосферой и общечеловеческой мировой культурой резонно поставить знак равенства, следует, что культура как планетное, космическое явление неуничтожима. Она способна к самоорганизации, к самовозобновлению в определённых условиях... следовательно, космический вектор земной культуры может и должен быть охарактеризован её основной — антиэнтропийной функцией» [14, 12–13].

Феномен Данте в этом контексте — это направленность освоения настоящего через такую антиэнтропийную «мембрану» ноосферы, путь обогащения опытом бытия и всей мировой культуры, который открывает творчество итальянского поэта-мыслителя и его немислимая сегодня образованность, способность к синтезу эпох, культур, художественных образов, идей на основе безупречного вкуса, доказываемой избирательности, точного выбора каждого героя и персонажа «Божественной комедии» на основе открытых и утверждённых им идеалов.

Войти сегодня в пространство культуры с таким проводником, как Данте, поэтому значит и в наше время вопреки всему сохранить способность к самосознанию, самоопределению в контексте обновлённой философии на основе категориального синтеза *новой картины мира*. Философские картины мира как формулы эпохи и обобщённые формы мироотношения существовали, бесспорно, в каждую эпоху, на их основе рождались теоретические модели, отражавшие содержательность связей человека с самим собой, своим бытием, культурой, природой, обществом. Вероятно, в современной картине ключевые слова — динамическая цивилизация, инновации, технологии, риски, смерть автора и... смерть человека, человечества. Но сегодня в контексте масштаба феномена Данте и восходящего к традициям XIV века гуманизма даже при первом приближении пространство современной картины мира, центрированное категориями бытие, человек, история, истина, красота, добро, и сложившихся в ней мировоззренческих установок требует по крайней мере двух уточнений.

Первое — возрождает ясное понимание смысла истинной поэзии и философии и их абсолютную несовместимость с софистикой, которая и тогда претендовала на ведущую роль в системе знания [5, 99]. Платоновско-поэтический настрой, в течение многих столетий открывавший горизонты широкого синтеза культур, позволил Данте не только показать, как «библейское знание мирно сплетается с языческим, христианская догматика — с исканиями античной мысли» [3, 217], но и доказать — далеко не всякая уместность сродни мудрости. В «Пире» он говорит о том, что не назовёшь мудрым человека, наловчившегося концом ножа попадать в зрачок глаза [10]. А в «Монархии» переосмысливающего Писание человека называет тираном и верховным преступником [9]. «Данте, — отмечал В. В. Библихин, — видел себя как поэт и философ единственным надёжным хранителем истины мира. Ни император,

ни папа не авторитеты перед лицом разума, способного самостоятельно прислушиваться к природе вещей... Монарх обязан следовать во всём философской мудрости: императорский авторитет опасен в отрыве от философского» [3, 219–220]. Не случайно мыслители-гуманисты, дорогу которым проложил Данте, начиная уже со второй половины XIV века ставили его в один ряд с Гомером и Вергилием. А Салютати, например, прямо осуждал современных ему логиков-философов за сведение любого рассуждения к формальным вопросам, что мешало, по его мысли, проникновению в сущность явлений, лишало философию её глубокого смысла» [5, 99].

Вторая сторона связана с творческим саморазвитием и самопознанием: ведь статус и содержательность мира субъекта культуры не даны человеку от природы, бога или в силу рождения, а становятся такими на основе самоопределения и развития самосознания. Отсюда — востребованность в освоении соответствующих категорий современного бытия как инструментов, необходимых для «самонастройки», для самой возможности соизмерения себя — конечного, современного, локального как с вечностью, бесконечностью, в том числе — с космизмом «Божественной комедии» Данте. Роджер Смит прав, сегодня «быть человеком — значит принимать участие в истории самоформирования. Ясно, что эта деятельность включает множество задач... Одна из стоящих перед нами задач — пересматривать и обновлять способы выражения того, что мы считаем ценным (наука — одна из таких ценностей), а также создавать новые дисциплинарные способы выражения ценностей в гуманитарных науках» [15, 338].

Мысль, и сегодня не кажущаяся тривиальной, для Данте в «Пире» стала позицией, требовавшей выступить против мнения императора Фридриха II Гогенштауфена и с ним всего мира. Благородство, — доказывает дворянин Данте, — приобретает или утрачивается в одном поколении, но не передаётся по наследству. Каждый человек, поэтому, может сформировать себя по нормам разума, и вовсе не следует с чем бы то ни было мириться лишь потому, что оно так сложилось от века. Если есть «исправление и возделывание», божественное семя прорастёт и там, где никогда прежде не росло. В силу этого и зло не имеет извинений в сложившемся порядке мира и наследственности, «потому что если от своего природного корня человек не имеет доброго семени, он прекрасно может его получить путем прививки» [10]. Только в предельном самостоятельном усилии, самосовершенствовании и саморазвитии — основа миссии и счастья человека. Поэтому мысль Аристотеля повторена Данте в «Монархии», вне сомнения, как близкая ему: «блаженство здешней жизни состоит в деятельном проявлении собственной добродетели» [9]. «Каждая вещь, — трактует Данте Аристотеля, — максимально совершенна, когда вплотную достигает присущей ей добродетели, и тогда она наилучше отвечает своей природе» [10]. И счастье человека, согласно его мысли, — возможно лишь как результат *постоянных упражнений высших* способностей. «В подлиннейшем смысле нашими собственными приобретениями оказываются нравственные добродетели, потому что, с какой стороны ни посмотреть, они в нашей власти» [10].

В современной философской картине мира, если мыслить её в контексте восхождения к «Божественной комедии», человек, его деятельность и все человеческие отношения соизмеряются с универсальным масштабом не

только космоса и вечности «вообще», что было характерно и для античности и Средневековья, но и с тем, что в современной науке зовётся космоизацией человеческой деятельности. Здесь внимание акцентируется, прежде всего, на освоении целостности космоса и микрокосма, гармоническое единство которой не завершено без фундаментальной образованности, не предполагающей пропуска «деталей» — всеобщих категорий и единичных образов в освоении многомерности мира, задающих и масштаб оценки. Вселенная Данте — это симфонически сложно организованный мир как целое, который развёртывается в своём шестивии, показывая самую сущность разных своих сторон-категорий, в которых свёрнут смысл личностно оценённого бытия.

Однако готов ли современный мир культуры и гуманитарного знания для встреч с Данте? Способен ли он найти формы и способы соизмеримости дантовского масштаба, целей, мощи духа и современного мира? Сомнение в этом вызывает камерный характер конференций, круглых столов и торжественных встреч в России, ознаменовавших такую столь значительную дату — 750 лет со дня рождения Данте Алигьери. Эта камерность — свидетельство утраты большого дыхания и масштаба нашей гуманитарной культуры, ослабление её интеллектуально-жизнеутверждающих сил.

Научно-философский и практический проект «Возрождение—XXI» — это альтернатива дегуманизирующим тенденциям современной массовой культуры и картине мира информационного общества. В его контексте «мягкая сила» Данте как феномен современной мировой культуры — исток не только итальянского Возрождения XIV—XVI веков, но и рождающегося в не меньших противоречиях и трудностях Возрождения—XXI. Он — не только прошлое культуры, но и проявление перспектив России, её способности к познанию и самопознанию, к способности обратить взор в такую высь и глубины, чтобы вновь заговорить на уровне, достойном великого поэта-мыслителя и его блестящих переводчиков и замечательных исследователей масштаба М. Л. Лозинского, И. Ф. Бэлзы, А. К. Дживелегова, И. Н. Голенищева-Кутузова, хорошо знакомым и не специалистам.

Исходный тезис концепции Возрождения—XXI заключается в констатации не просто периодически случавшихся в истории культуры и цивилизации разломов, а в том, что в них проявляются своеобразные «волны» возрождения. Иначе говоря, в мировой истории можно указать на некий ритмо-алгоритм переходов от одного типа связей человека с миром к другому, в котором осуществляется синтез традиций и новизны современности. Каждое такое Возрождение, таким образом, это одновременно переход, возвратный обратный процесс и шаг в новую эпоху на основе синтеза культур. Один из самых сложных возникающих при этом вопросов заключается в том, *что* в ситуации неопределённости — точки бифуркации, как сказали бы синергетики, — возродить в прошлом, *как, какими глазами* его увидеть.

Цели общения с историей культуры — всегда свидетельство диалога, открывающего как наши вопросы к прошлому и его взгляду на нас, так и опыт соизмерения нашего масштаба и возможности наших философско-антропологических ответов на вопросы великого прошлого. Содержательность пространства связей настоящего времени с будущим и прошлым прямо и непосредственно открывает наши оценки, надежды, цели. Сегодня, поэтому, в поле зрения не случайно попадают переходные, кризисные моменты

истории, её переломные моменты, перемены-трансформации в самой живой ткани культур. И феномен Данте в этой связи оказывается исключительно востребованным как опыт реконструкции переходного периода. Позднее, как известно, гуманисты осознавали собственную эпоху — Возрождение — как возвращение к плодотворным истокам, обращение к идеалам и категориям античности. Этот опыт приобщения — диалога и синтеза эпох — оказался основой новой формы культурного творчества: конструирования реальности и её смыслов на основе приоритета бытия личности, на основе позиции гуманизма.

А. Л. Доброхотов, анализируя философию Данте, обратил внимание на то, что историки философии, «очищая и уточняя свой предмет исследования, проделывают привычную процедуру выделения “идеи” как таковой из комплекса духовных феноменов. Часто в результате получается беспомощная абстракция, мало общего имеющая с тем “эйдосом”, который многообразно являл себя и в мифе, и в литературе, и в этическом действии. Особенность “Комедии” в том, что она продемонстрировала обратный процесс: идеи, которые на исходе XIII в. <...> застыли в абстрактные схемы, были возвращены поэтом в исходную стихию познающей себя культуры и вдруг обнаружили источник своей силы, приоткрыли свою тайну» [11, 6].

Но для этого должен был быть Данте, о котором можно сказать словами Джорджо Вазари, хотя и адресованными другому гению уже Высокого Возрождения: «Всеблагодать правитель небес <...> увидел тщетную нескончаемость стольких усилий, бесплодность пламеннейших попыток, людское самомнение, ещё более далёкое от истины, чем потёмки от света, и соизволил, спасая от подобных заблуждений, послать на землю гения» [6]. Гений-философ, поэт, человек Культуры мира — Данте дал метод работы с идеей Возрождения как переходной эпохой, всегда проявляющейся не только как форма трансляции культурного опыта прошлого, но как детерминация из будущего, которая всегда не совсем ясна и потому неоднозначна. Будущее, по определению, не проявлено, не известно, но оно, его контуры и ростки, начинает воздействовать на настоящее, «прорастивая» в нём явления, события прошлого, с которыми оно может соединиться или опираясь на которые оно может скорее состояться. Сегодня — состояться на основе культуры XXI века и её обновлённого языка.

Действительно, в этом контексте нельзя — хотя бы совсем кратко — не сказать об одной из главных заслуг и достижений творчества Данте — энергично-страстной защите складывавшегося итальянского языка и его собственное открытие философско-поэтического языка как основы «координат» новой культуры. Идеалы новой жизни для Данте неотделимы от программы новой оценки человека — христианина, имеющего право заниматься языческой мифологией, философией, литературой. «Это он, — писал Боккаччо в первой биографии поэта, — показал всему миру великолепие флорентийского наречия; он открыл красоты народного языка, уложив его в стройные стопы; он поистине вернул к жизни омертвелую поэзию» [4, 219]. «Poesia esser teologia». Для него «поэзия — та же теология», — оценил Боккаччо творчество Данте, но в отличие от богословия она «скорее психология и этнология, чем теология», так как обращена к природе и человеку» [4, 219]. Как

не самоценна для Данте — бесспорно, христианина — и религия, встроенная им в универсальную философско-научно-поэтическую Вселенную.

Но поэзия прекрасна, и без неё нет *эстетического измерения Вселенной Данте*, органично связанного для него с измерением этическим. Красота для него, вопреки происходившему в ближайшем и общественном окружении, немислима вне добра. И красота в языке и самого языка — атрибут нового мировоззрения — всегда не завершена без добра, добродетели, морали, чему он посвятил «Красоту и добродетель».

Две госпожи, в душе моей представ... ведут беседу...
И красота полна недоуменья
И добродетель, что не изберу
Одну из двух предметом поклоненья.
Но для Амура обе ко двору:
Как не любить красу — для наслажденья
И добродетель — чтоб служить добру? [12, 21].

Как проводник в будущее, Данте ориентирует в пространстве становления: «Чем ближе мы следуем великим поэтам, тем правильнее сочиняем стихи» [16, 154]. Здесь важно подчеркнуть: Данте, синтезируя эпохи, культуры и философские направления, соединяя мифологическое, греческое, римское и средневековое прошлое в контексте зарождающегося гуманизма, интуитивно воспринимает мир, чувствуя его уже из будущего. Но сам его синтез оказывается возможным потому, что он *вышел за границы* как греческого мифа, так и христианства и вошёл в пространство космоса собственной субъективности, которое оказалось соразмерным вселенским просторам исторического пространства-времени. Именно поэтому Вергилий как проводник оказывается способным связать жизнь со смертью, времена и пространства. Выбор Вергилия в качестве проводника самого Данте, задающего меру восприятия мира и его событий, в этом смысле точен. Это выбор величайшего поэта Рима.

Напомним, что древние римляне ценили не только разного рода зрелища, но и чтимых ими философов, писателей, поэтов, драматургов, музыкантов. «То, что народ в театре, по свидетельству Тацита, встал навстречу Вергилию, воздавая ему точно такую же честь, как Августу, о чём-то говорит» [1, 19]. Особенно убедительное, хотя и забавное, доказательство живости общего отклика на поэзию Вергилия — необычайное количество попыток её «раскритиковать и уничтожить» [1, 19]. В его поэзии ощущалась сила, независимая от его личной воли и при всей мирности своего проявления неумолимая, как всякая сила [см.: 1, 20]. Природа этой силы — не в близости к сильным мира сего, не в энергичной заботе о самопрезентации и имидже собственного проекта: «за славой Вергилия стояла та самая объективная непреложность, заключённая в самой природе вещей, в составе бытия, которую поэт воспел как “рок”, “fata”» [1, 20].

Но для этого, задолго до Данте, в Риме тоже должно было состояться возрождение: квинтэссенция высокой связи человека и мира на основе приобщения к классическому наследию и там таит в себе немало примеров достоинства, того, как следует учиться гуманизму. Известно, скажем, что Лукреций Кар мыслил Эпикура, жившего более чем за двести лет до него, как спасителя. Он указывал: когда «человеческая жизнь постыдно и униженно

валялась в пыли, задавленная гнётом суеверий», поднялся великий и отважный человек и первый «один осмелился бесстрашно восстать против них». «Этим героем, совершенно не вписывавшимся в древнеримскую культуру, ценившую жестокость, прагматизм и воинскую доблесть, был грек, добившийся всего не силой оружия, а силой интеллекта» [7, 86].

Опора на такие традиции и с таким проводником, как Вергилий — основа рождения способа соизмерения Данте с миром, следствие которого — его отчётливо отрефлексированная позиция, его субъективность как автора, позволившая превратить всю мировую историю, всё настоящее и прошлое в *объект созерцания*. Автор и сам при этом становится проводником, который живёт в настоящем, но становится свидетелем, оценивающим настоящее и будущее. Он проводник, ибо проводит время через себя, а не только себя через время и пространство. Время здесь — расширение пространства прошлого и настоящего; это то, что не высказано в прошлом, но досказывается в процессах и категориях перехода времени будущего в расширяющееся пространство. Происходит своеобразное многолинейное диалектическое снятие, границами которого являются смысловые пределы. Смысл должен быть исчерпан, и это делает поэт-философ, высвечивая не только сам объективно-всеобщий процесс как целое, а выявляя в нём те события и судьбы, которые этот смысл завершают: книгу исторических событий должен закрыть поэт. В этом отношении «Божественная комедия» — завершение всей предшествующей истории культуры и мира, включая её исторический текст и его древнюю библейскую, античную и средневековую историю. И одновременно именно такое «дистанцирование» Данте от пространственно-временного континуума своей эпохи оказалось обретением им своего уникального места в мире культуры и её истории, на основе которого он открыл мир своей философии, её категорий, идеалов и оценок.

Творчество Данте, таким образом, даже при столь фрагментарном опыте рассмотрения, свидетельствует, что он нашёл способ проходить сквозь время-пространство, оставаясь, безусловно, человеком Флоренции, Италии и своего современного времени, самостоятельно определить дистанцию от современности, что и стало основой формирования его модели мира — истока Возрождения и европейского гуманизма. Но вернёмся к вопросу: есть ли в нашем времени потенциал для модели столь же универсального типа синтеза эпох, мировоззрений, философско-художественных картин мира, которые бы обеспечили рождение и расцвет Возрождения-XXI? И кто — субъект какого типа и направленности способен осуществить такой синтез, выходя за границы нашего пространства-времени?

Вероятно, это субъект, — и в перспективе им может стать планетарное человечество — философия которого рождается в лоне всей высокой мировой культуры, продолжая традиции философии космизма и предшествующих достижений всех волн Возрождений в истории культуры. Сегодня эти традиции оказываются значительно недооценёнными именно как возможность синтеза — космопланетарного, ноосферного, экофилософского, — способного открыть контекст будущего как новое измерение человека и мира, связанных гуманитарно-этическим и эстетическим содержанием антропного принципа. В XX веке крупнейшие мыслители, среди которых В. И. Вернадский, Н. К. Рерих, Н. Н. Моисеев, В. П. Казначеев, через позицию антропоцентризма вышли

на особую логику и форму анализа, которая позволяет увидеть за современной техносферой гуманистические контуры мира будущего и перспективы человека, которые открываются в процессах глобализации и направлены на *гармонизацию* отношений «человек—культура—космос—природа—общество». Теперь именно экофилософско-мировоззренческая, эстетическая и этическая логика и интуиция становятся основой открытия координат формирующегося нового мира и его детально проработанной философской картины истории и культуры.

Почему же эта картина мира, её категории и формы может иметь статус «Возрождение-XXI»? Что здесь возрождается? Думаю, прежде всего речь идёт о сохранении приоритета человека, его субъективности, культуры, истории [см.: 2]. Сегодня Возрождение вновь выводит на первый план субъектно-человеческое присутствие в мире, открывая новые направления творчества и новые измерения культурного пространства-времени. Возможно, уже происходит зарождение нового «проторенессансного» пространства, в котором актуализируются позиции и отношения гуманизма и нормы высокого творчества. Однако сегодня это не осознано, а потому и не попадает в оценки СМИ, во многие художественные и эстетические проекты и программы. Это не значит, что наша эпоха находится в ожидании непременно своего нового Данте. Всплеск осознания начала эпохи «Возрождение-XXI» может возникнуть неожиданно и в неузнаваемых в этом качестве формах. Каждый раз — это реальное чудо самого мира, рождающего гения — субъекта новой Культуры.

Но здесь обязательно нужен какой-то исходный универсально-космический культурный проект, творческое переосмысление которого — что сделал Данте на основе синтеза предшествующих исторических пластов — философски-мировоззренчески, концептуально-научно и интуитивно-художественно выявит ту культурную и духовную ткань, в пространстве и смысле которого начнёт существовать и развиваться так необходимое сегодня Возрождение-XXI.

Вместе с тем требует осмысления с позиций нового экофилософского мышления и ноосферного мировоззрения расширение современного культурного пространства-времени. Поэтому читать Данте сегодня необходимо вместе с развитием методологических инструментов. Он требует уже иного, современного, но не просто оригинально-инновационного — инструментария теории культуры и гуманитарного знания в целом. Э. Морен, мудрый современный французский философ, точно угадывая эти перспективы, пишет: «Мы можем смутно предвидеть, что наука, которая открывает возможности для самопознания, которая открывается на космическую взаимосвязанность и солидарность, которая не разрушает облик налично существующих образований и существ, которая признаёт наличие тайны во всех вещах, по-видимому, сможет предложить такой принцип действия, который не упорядочивает, а организует, не манипулирует, а устанавливает коммуникативную связь, не управляет, а воодушевляет» [13, 462].

Именно поэтому современное чтение Данте предполагает методологически обновлённое исследование и дантеведения с соответствующим нашей эпохе и её категориям бытия и сознания синтезом философии, литературоведения, аксиологии, культурологии. А это, в свою очередь, может стать стимулом к разработке науки нового типа. И *Данте как способ возвышения человеческой субъективности над миром* современных и ему, и нам событий,

оказывается сегодня не только нашим современником, но и звездой-ориентиром, не прошлым, но будущим культуры. Понять это — значит сделать шаг к Возрождению-XXI, внимательнее всмотреться в себя и своё время для рефлексии и утверждения перспектив Культуры будущего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аверинцев С. С.* Поэты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 364 с.
2. *Баркова Э. В.* В поисках альтернативы «незавершённого проекта» модерна Ю. Хабермаса: к формированию концепции Возрождения-XXI // Science and Education-2014. Vol. 3. LTD Belgorod-Sheffield: Science and Education, 2014; *Баркова Э. В.* Homo communicativus как субъект Возрождения XXI века // Коммуникативные стратегии информационного общества: Труды V Международной научно-практической конференции. СПб.: Изд-во политехнического ун-та, 2012. С. 6–10; *Баркова Э. В.* Свет Солнца как идея и идеал в экофилософской перспективе Возрождения-XXI // История оптики и природа явлений света. Третий Международный историко-научный симпозиум по оптике. 27–30 октября 2015 г. СПб: СПб НИЦ РАН, 2015. 205 с. С. 40–45; *Баркова Э. В.* The theory of natural and cultural heritage in space Ecophilosophy Renaissance-XXI // Природное и культурное наследие: междисциплинарные исследования, сохранение и развитие. Коллективная монография по материалам IV Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, РГПУ им. А. И. Герцена, 28–30 октября 2015 г. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2015. 463 с. С. 20–22; *Баркова Э. В.* Творчество в пространстве экофилософии Возрождения-XXI // Творчість у філософських вимірах: Матеріали XIII Міжнародної науково-практичної конференції (14–15 травня 2015 р., м. Київ) / Укладачі: Новіков Б. В., Мельниченко А. А., Піхорович В. Д., Шевчук Ю. А. К.: НТУУ «КПІ», 2015.
3. *Бибихин В. В.* Новый Ренессанс. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2013. 422 с.
4. *Боккаччо Дж.* Жизнь Данте // Боккаччо Дж. Фьяметта. СПб.: Азбука, 2012. С. 211–285.
5. *Брагина Л. М.* Итальянский гуманизм. Этические учения XIV–XV веков. М.: Высшая школа, 1977. 255 с.
6. *Вазари Джорджо.* Жизнь Микеланджело Буонарроти, живописца, скульптора и архитектора флорентийского // <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%94/dzhordzhovazari/12-zhizneopisanij/24>
7. *Гринблатт С.* Ренессанс. У истоков современности. М.: КСТ, 2014. 382 с.
8. *Данте Алигьери.* Божественная комедия / Пер. М. Л. Лозинского. М.: Художественная литература, 1940. 335 с.
9. *Данте Алигьери.* Монархия // <http://vipbook.info/nauka-i-ucheba/religia/156620-dante-aligeri-monarhiya.html>
10. *Данте Алигьери.* Пир // http://royallib.com/book/aligeri_dante/pir_traktati.html
11. *Доброхотов А. Л.* Данте Алигьери. М.: Мысль, 1990. 207 с.
12. Итальянская поэзия: в пер. Евг. Солоновича: Сборник. М.: Радуга, 2002. 576 с.
13. *Морен Э.* Метод: Природа природы. М.: Канон+, РООИ Реабилитация 2013. 487 с.
14. *Петрицкий В. А.* Космос. Человек. Культура. СПб.: Алетейя. 2011. 280 с.
15. *Смит Роджер.* Быть человеком: историческое знание и сотворение человеческой природы. М.: Канон+, РООИ Реабилитация, 2014. 368 с.
16. *Хлодовский Р. И.* Данте и Вергилий // Античное наследие в культуре Возрождения. М.: Наука, 1984. С. 154–159.